

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Op83.31

M33

A-352967

*Г. П. Матвиевская
И. К. Зубова*

**Владимир
Иванович
ДАЛЬ**

Op 83.31
M 33

Op 83.31

83.3(2=411.2)52-8 ДАЛЬ В.И.

Г. П. Матвиевская

И. К. Зубова

**Владимир
Иванович
ДАЛЬ
1801—1872**

Ответственный редактор:
доктор биологических наук
Э. Н. МИРЗОЯН

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

МОСКВА
«НАУКА»
2002

a-352967

16

КР

Введение

Биография В.И. Даля богата неожиданными поворотами и наполнена яркими событиями. Он прошел большой жизненный путь от морского офицера, военного врача, преуспевающего хирурга-окулиста, государственного чиновника высокого ранга до ученого-натуралиста и известного писателя, которому посчастливилось при жизни увидеть напечатанным восьмитомное собрание своих сочинений. Ему довелось побывать в самых разных уголках Российского государства, познакомиться с его разнообразной природой, с населяющими его народами, их нравами и обычаями. Он увидел немало интересного и отразил свои впечатления в многочисленных очерках, художественных произведениях, научных статьях.

Но о себе В.И. Даль написал очень мало — лишь две краткие автобиографии, составленные им в весьма преклонном возрасте. Наиболее основательным источником сведений о Дале служит большой критико-биографический очерк, опубликованный вскоре после его смерти известным писателем П.И. Мельниковым (Андреем Печерским [324–326]), этих писателей много лет связывали служебные, творческие и дружеские отношения.

Воспоминания его друга юности, декабриста Д.И. Завалишина, близко общавшегося с В.И. Далем в последние годы его жизни, к сожалению, почти неизвестны, хотя содержат немало важных биографических сведений. Откликнувшись на кончину В.И. Даля статьей в “Московских ведомостях”, Д.И. Завалишин исправил ряд ошибок в некрологах и сообщил “некоторые неизвестные еще публике, но верные данные, которые могут послужить на пользу будущим биографам В.И. Даля и предупредить дальнейшие ошибки в статьях о нем”. По словам Д.И. Завалишина, он взял на себя эту задачу как товарищ и друг В.И. Даля, добавив: “Это название давал нам всегда Владимир Иванович. В 1866 г. он пожелал, чтобы мы вместе отпраздновали 50-летний юбилей нашего товарищества и неизменной дружбы”. Действительно, Завалишин ревниво следил, чтобы в публикациях о Дале не было утверждений, позволяющих неверно представить события его жизни, и неизменно выступал с разъяснениями.

Биографические сведения, оставленные самим Далем, предельно скудны. Причина этому — свойственные ему скромность и сдер-

жанность в высказываниях о личной жизни. Так, в письме к академику Я.К. Гроту, по просьбе которого была составлена одна из автобиографических записок, сообщив некоторые данные о себе, Даль спрашивает: “Да для чего вам все это, право, не понимаю... Судите дело, а личность откиньте, что вам до нее?”

Решительное нежелание писать о себе В.И. Даль выражал не раз. В письме от 26 марта 1854 г. А.В. Старчевскому, редактору “Справочного энциклопедического словаря”, он заявлял: “Какие бы ни стал я представлять Вам доводы, почему именно я не считаю нужным заботиться о своем жизнеописании, все это будет похоже на уничтожение, которое паче гордости, как и профора бывает хуже воровства. Не могу запретить никому писать и печатать то, что Ценсура печатать разрешит, но не вижу никаких побудительных причин, для чего бы мне содействовать изданию вестей о своей личности и заботиться об этом. Эта шубка не стоит вычинки”.

Объяснил он свои взгляды и в другом письме к Я.К. Гроту от 28 ноября 1867 г. “Вы, – писал Даль, – говорите о моих записках. Не решаюсь на это, не видя в них большой пользы и будучи поставлен в раздумье. Записки могут, главнейше, относиться до личности пишущего, или до современных ему событий. Первое считаю слишком ничтожным, второе мне не под силу: я не любил подноготных дразгов, на коих, как на мази, вертится земная ось, и нет у меня памяти на них. Первый род записок коренится на самостийности, на самолюбии, тщеславии – а у меня, славу Богу, такой шишки нет; второй приличен человеку, живущему в большом свете, бывшему представителем, зачинщиком, коноводом – я век свой был подчиненным работником, избегал начальничанья, не будучи к этому способен, и вся бытовая жизнь моя протекала в тесном кругу. Наконец, как ни верти, а пропоешь хвалебную песнь себе и всех других опорочишь: в каждом встречном деле выходишь прав, а прочие виноваты”.

Но все же по настоянию Грота В.И. Даль написал краткую автобиографическую справку и составил не менее важный для его биографии список своих трудов, опубликованных до 1862 г. Он озаглавлен: “Роспись напечатанным сочинениям моим, составленная самим автором по требованию Як.К. Грота” и хранится в рукописи в Петербургском филиале Архива Российской академии наук¹ (далее – ПФА РАН).

Хотя, как писал Даль Гроту, “старина вспомянчива и заманчива”, но многое представлялось ему в последние годы жизни уже в несколько искаженном виде. Прежде всего это касается “Автобиографической записки”, продиктованной им совсем незадолго до смерти, – в марте 1872 г., которая хранилась у его дочери О.В. Демидовой и была опубликована в том же году в журнале “Русский архив”.

¹ ПФА РАН, ф. 9, оп. 1, № 358.

На эту публикацию Д.И. Завалишин сразу отозвался статьей «По поводу отрывка из автобиографии В.И. Даля, напечатанной в "Русском архиве"». Статья вышла 10 ноября 1872 г. в газете "Московские ведомости". Завалишин, в частности, писал: "Так как этот отрывок не сопровождается пояснением обстоятельств, в каких покойный Владимир Иванович диктовал его, то он легко может ввести в заблуждение будущих составителей жизнеописания Даля насчет действительного значения этой автобиографии. Мы считаем себя поэтому обязанными пояснить вышеупомянутые обстоятельства, вполне нам известные, и указать на то влияние, которое они имели на верность некоторых воспоминаний покойного". Завалишин засвидетельствовал, что Даль, которого близкие настойчиво просили написать воспоминания о своей жизни, "занятый другими работами, все откладывал исполнение этой просьбы и решился диктовать вышеупомянутое начало автобиографии лишь после того, как с ним несколько раз повторился удар и когда память уже значительно изменила ему". Завалишин исправил очевидные ошибки, допущенные Далем (например, в имени матери), и многое уточнил.

Резкую критику Д.И. Завалишина вызвали опубликованные в 1879 г. в журнале "Русский вестник" воспоминания Е.В. Даль [243], другой дочери Даля, которая, видимо, не поняла кое-что в рассказах отца или слишком буквально восприняла сделанные с присущим ему юмором описания некоторых очень серьезных событий. Рецензия Завалишина [258], напечатанная значительно позже (в 1904 г.), очевидно, стала известна издателям журнала и публикация воспоминаний Е. Даль прекратилась. Их продолжение недавно обнаружила А.Г. Прокофьева среди рукописей Института русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом) (далее – ИРЛИ) и опубликовала в оренбургском альманахе "Гостиный двор" [245]. Многие факты, приведенные дочерью Даля, особенно относящиеся ко времени его службы в Оренбурге (1833–1841 гг.), представляют несомненный интерес.

В конце XIX в. было собрано немало документов, писем, воспоминаний о В.И. Дале, написанных его друзьями, сослуживцами и людьми, встречавшимися с ним при разных обстоятельствах. Однако этого все же недостаточно, чтобы восстановить полную картину его жизни. Поэтому трудно переоценить значение находок, которые сделаны в разных архивах А.В. Седовым [396], Ю.П. Фесенко [421–434], Е.П. Горбенко [230, 231] и другими, что позволило существенно дополнить биографию В.И. Даля.

В предлагаемой работе также широко использованы документы, обнаруженные в Государственном Архиве Оренбургской области (далее – ГАОО), ПФА РАН, в рукописных отделах Российской Национальной библиотеки (далее – РНБ) и Российской Государственной библиотеки (далее – РГБ).

Большая часть этих архивных материалов относится ко времени службы В.И. Даля в Оренбурге, где с 1833 по 1841 гг. он был чиновником особых поручений при военном губернаторе В.А. Перовском. Именно в эти годы наиболее полно проявились творческие способности его многогранной личности. Занявшись научными исследованиями, Владимир Иванович получил признание как ученый-натуралист, в 1838 г. Петербургская Академия наук избрала его членом-корреспондентом по естественному Отделению. В Оренбурге же Даль начал работу по составлению толкового словаря русского языка, собрал богатый этнографический материал и сделал открытия в востоковедении.

Оренбургский период жизни В.И. Даля биографы долгое время почти не затрагивали. Только в 1913 г. известный краевед Н.Н. Модестов в некоторой степени восполнил этот пробел работой "Владимир Иванович Даль в Оренбурге" [330]. Заметив, что "имя Даля забыто там, где он провел лучшие годы жизни и где написал большую часть своих рассказов и повестей", Модестов познакомил читателей с документами местного архива и осветил некоторые важные моменты жизни Даля в этот период. В частности, он отметил участие В.И. Даля в организации естественно-научного музея (о чем ранее писал П.Н. Столпянский [412]) и рассказал о его встрече с Пушкиным, который посетил Оренбург в 1833 г. в поисках материалов о пугачевском восстании. Последний эпизод фигурирует во многих работах о Пушкине, как и присутствие Даля при кончине великого поэта. Свои встречи с ним В.И. Даль описал подробно [203, 374, 375], так как был убежден, что "много алмазных искр Пушкина рассыпалось тут и там в потемках" и "их надо бы снести в одно место" [375, т. 2, с. 264].

Ряд документов из оренбургского архива, касающихся служебной деятельности В.И. Даля, обнаружил в 1913 г. П.И. Цыпляев [448]. Сведения об оренбургском периоде жизни В.И. Даля были обобщены в книге Н.Е. Прянишникова "Писатели-классики в Оренбургском крае", вышедшей первым изданием в 1946 г. [371]. Однако, как теперь выяснилось, основательное изучение архивных материалов, а также публикаций Даля в газетах и журналах позволяет представить этот период гораздо полнее. В предлагаемой вниманию читателей книге сделана такая попытка.

Документы, обнаруженные в ГАОО, в основном касаются служебной деятельности В.И. Даля и весьма разнообразны. К ним относятся прежде всего написанные его рукой черновики официальных писем, записки различного содержания, составленные по требованию военного губернатора, заметки к годовым отчетам, которые отправлялись в столицу, и даже проект "Положения об Уральском казачьем войске". Они позволяют составить представление о занятиях Даля-чиновника, принимавшего непосредственное участие в решении таких важных государственных вопросов, как управление

обширным Оренбургским краем и непростые отношения России со среднеазиатскими ханствами, осуществлявшиеся через пограничный тогда Оренбург.

Письма В.И. Даля к сестре П.И. Шлейден и к столичным литераторам рассказывают о его повседневной семейной жизни со всеми ее радостями и горестями, о его взглядах и убеждениях, об отношении к служебным делам, которые самым для него естественным образом сочетались с литературным и научным творчеством.

О научной деятельности В.И. Даля, которой в книге уделено основное внимание, свидетельствуют его письма к академикам Ф.Ф. Брандту и Х.Д. Френу, а также другие документы, хранящиеся в ПФА РАН, и ныне почти неизвестные публикации 30–40-х гг. XIX в.

Результаты исследований, которые проводились при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, частично опубликованы в газетных [264–268, 305, 306, 310–312, 316–318] и журнальных [269, 307–309, 313, 315] публикациях.

Авторы считают своим долгом искренне поблагодарить за неоценимую помощь сотрудников Государственного Архива Оренбургской области, а также Санкт-Петербургского филиала Архива РАН и рукописных отделов Пушкинского Дома и Российской Национальной библиотеки.

Детство и юность

1. Семья. Первые годы жизни

Владимир Иванович Даль родился 10 (22 по новому стилю) ноября 1801 г. в городке Луганский Завод (сейчас г. Луганск) Екатеринославской губернии, в семье врача, состоящего при литейном заводе.

Его отец – датчанин Иоганн Христиан Даль (Johann Christian Dahl, 1764–1821), который переехал в Россию и стал именоваться здесь Иваном Матвеевичем, получил образование в Германии, где прошел курс богословия и изучил несколько языков, в том числе и древние. Его Екатерина II пригласила на должность библиотекаря [414, 430], но вскоре – по материальным соображениям – он решил стать врачом и снова отправился в Германию, учился в Йене и Эрлангене и вернулся в Россию с дипломом доктора медицины.

О начале государственной службы И.М. Даля и продвижении его по служебной лестнице подробно рассказывают обнаруженные Ю.П. Фесенко документы, в том числе формулярный список 1733 г. [430, с. 162–163]. В нем значится, что Иван Матвеев сын Даль, 35 лет от роду, происходящий из датских офицерских детей, 8 марта 1792 г., сдав экзамен в Государственной медицинской академии, получил права практикующего врача. В ноябре того же года он поступил “в гатчинскую наследника Цесаревича волость для пользования жителей и крестьян” [414, 482, с. 23].

В Гатчине, непосредственно общаясь с наследником, И.М. Даль, тогда уже семейный человек, прослужил немногим более трех лет. Вначале, видимо, их связывали вполне добрые отношения, так что Павел Петрович даже стал крестным отцом старшей дочери Даля Паулины [243, с. 79]. Однако они оказались непрочными из-за крайне неуравновешенного характера будущего императора.

В.И. Даль вспоминал, что его отец был иногда горяч до безумия, а с великим князем не ладил, хотя по обязанности являлся ежедневно к нему с рапортом [326, с. XXXIII]. После одной весьма неприятной сцены, когда с майором кирасирского полка случился удар после грубейшего выговора от наследника, И.М. Даль – к ужасу жены – “постоянно держал заряженные пистолеты, объявив, что если бы с ним случилось что-нибудь подобное, то он поклялся наперед застрелить виновного, а потом и себя” [Там же, с. XXXIV].

В феврале 1796 г. И.М. Даль уволился из Гатчины по собственному прошению. В выданном ему аттестате говорилось, что помимо

пользования жителей и крестьян гатчинской волости, он наблюдение имел за состоявшим в той же волости гошпиталя и должность свою исправлял с добрым успехом и рачительностью [430, с. 163]. В апреле того же года его назначили уездным врачом в Петрозаводск, однако вскоре он начал хлопотать о переводе и определении "гошпитальным врачом при каком-нибудь месте" [482, с. 24]. На основе архивных документов Ю.П. Фесенко подробно осветил подвигнический труд И.М. Даля как в Петрозаводске, где он, по выражению выдавшего ему аттестат городничего, "привлекал к себе любовь в пользовании бедных трудолюбием и беспристрастием", так и на новом месте – на Луганском заводе, куда был переведен 7 мая 1798 г., а приехал с семьей 15 августа того же года. Здесь он занял должность старшего лекаря литейного завода [430, с. 165; 482, с. 24–26]. По мнению исследователя, усилия И.М. Даля по улучшению условий жизни и работы мастеровых, добывавших уголь, позволяют считать его создателем первых лечебных учреждений для рабочих Луганщины [482, с. 26].

14 декабря 1799 г. И.М. Даль дал присягу на вечное российское подданство [430, с. 166], в 1804 г. он получил чин надворного советника, а 1805 г. был переведен в должности инспектора на Черноморский флот, во врачебную управу, находившуюся в Николаеве, где и оставался до самой смерти, последовавшей 5 октября 1821 г.

В.И. Даль вспоминал об отце как о человеке честном в самом строгом смысле слова, несколько суровом и замкнутом, но очень умном, справедливом и твердо следовавшем в жизни законам нравственности [326, с. LXXXV–LXXXVI]. "Отец мой, – писал он, – силою воли своей умел вкоренить в нас навек страх Божий и святые нравственные правила. Видя человека такого ума, учености и силы воли, как он, невольно навсегда подчинишься его убеждениям" [237, с. 5]. Принципы, которых придерживался отец, на всю будущую жизнь определили образ мыслей и действий сына.

Отец внушил В.И. Далю патриотизм. Всей душой полюбив свою новую родину, он, по словам сына, воспитал детей в духе глубокой преданности России. "Он при каждом случае, – писал Даль об отце, – напоминал нам, что мы русские, знал язык, как свой, жалел в 1812 году, что мы еще молоды и негодны" [Там же].

В.И. Даль всегда чувствовал себя истинно русским человеком. П.И. Мельников-Печерский вспоминал, что на вопрос дерптских друзей, кто он – русский или немец – Даль ответил: "Ни прозвание, ни вероисповедание, ни самая кровь предков не делают человека принадлежностью той или иной народности. Дух, душа человека – вот где надо искать принадлежности его к тому или другому народу. Чем же можно определить принадлежность духа? Конечно, проявлением духа – мыслью. Кто на каком языке думает, тот к тому народу и принадлежит. Я думаю по-русски" [326, с. LXXV].

Д.И. Завалишин свидетельствовал, что Даль был очень доволен, когда узнал, что его предки, хотя и поселились некогда в Дании, но имели славянские корни. При встрече он заметил: “А знаешь ли, говорят, что и я происхожу от славян” [255].

Не меньшее влияние оказала на В.И. Даля мать, Юлия (Ульяна) Христофоровна, урожденная Фрейтаг. Она была дочерью “бывшего на русской службе чиновника ломбарда” [189, с. LXXXIII], среди ее предков были немцы, французы, швейцарцы. Как рассказывала Е. Даль, по женской линии Юлия Христофоровна происходила от французских протестантов Де Мальи [243], но ее семью вполне можно назвать обрусевшей, так как уже бабушка В.И. Даля, Мария Ивановна Фрейтаг, не просто знала и любила русский язык, но, по его словам, “даже была русская писательница, по крайней мере переводчица и значилась в Смирдинском каталоге” [189, с. LXXXV]. Юлия Христофоровна имела превосходное образование, знала, по свидетельству сына, кроме немецкого еще три языка и была талантливым педагогом. В.И. Даль проникновенно написал о ней в “Автобиографической записке”: “Мать разумным и мягким обращением своим, а более всего примером, с раннего детства поселила во мне нравственное начало, окрепнувшее с годами и не покинувшее меня всю жизнь. Не умею объяснить, как и чем это сделалось; но чувствую и сознаю, что это так и нынче, когда мне уже исполнилось 70 лет и когда сыну моему уже 35. Я сознаю это благое влияние материнского воспитания и сын мой, ею же воспитанный, говорит о себе то же” [Там же, с. LXXXVI].

Семья Далея была многодетной. Кроме двух старших дочерей, Паулины и Александры, у них выросли четыре сына – Владимир, Карл, Лев и Павел. Воспитанию и образованию детей родители придавали очень большое значение, хотя, как видно из автобиографии В.И. Даля и воспоминаний его дочери, этим в основном занималась мать. О своем первоначальном образовании Даль писал: “Отец был строг, но очень умен и справедлив. Мать добра и разумна и лично занималась обучением нашим, насколько могла. У нас были только учителя Штурманского училища, к которым мы ходили на дом; учителя рисования и математики. Прочему учила мать” [Там же, с. LXXXV].

В.И. Даль впоследствии рассказывал дочери, что в детстве его вместе с сестрами усаживали за рукоделие, а также обучали ремеслам, к которым у него навсегда сохранился интерес. Эти полезные навыки оченьгодились ему и помогли стать искусным хирургом [243, с. 81], так, операции по снятию катаракты он делал очень быстро, ибо одинаково владел обеими руками. От матери, которая прекрасно играла на фортепьяно и пела, В.И. Даль унаследовал любовь к музыке.

2. Морской кадетский корпус

Когда встал вопрос о дальнейшем образовании сыновей, то И.М. Даль, служивший на Черноморском флоте, выбрал для них профессию моряков. Еще в 1812 г. от имени Владимира и Карла было подано прошение на имя Александра I о зачислении их в Петербургский Морской кадетский корпус. В этом документе, опубликованном Ю.П. Фесенко, в частности, говорится: "Отец наш родной находится на службе Вашего Императорского Величества главным доктором Черноморского флота, ныне нам от роду 11 и 9 лет, обучены российской, французской и немецкой словесности, математике и рисовать, но в службу Вашего Императорского Величества никуда еще не записаны, а желание имеем определиться в морской кадетский корпус" [430, с. 169].

Зачисление последовало через три года. В формулярном списке В.И. Даля сказано: "Воспитывался в Морском кадетском корпусе, в который поступил кадетом 1815 года 1 августа. В службу вступил гардемарином 1816 года июля 10. Унтер-офицером 1819 февраля 20. По окончании в этом корпусе полного курса наук произведен мичманом 1819 года марта 3, лейтенантом 1824 года мая 10" [439, с. 36].

Для времени обучения в Морском корпусе в автобиографиях В.И. Даля не нашлось, к сожалению, добрых слов. Он вспоминал эпизоды, которые свидетельствуют о пороках тогдашней воспитательной системы, основанной на телесных наказаниях, и горько сетовал, что из-за нее лучшие годы его жизни были убиты [189, с. LXXXVI]. Его дочь, у которой сложилось такое же впечатление от рассказов отца, писала: "Вообще говоря, пребывание в Морском корпусе составляло безотрадную страницу в жизни отца и он с отвращением отворачивался от здания Корпуса, когда проходил мимо него" [243, с. 84].

Против такой оценки обучения в Морском корпусе решительно протестовал Д.И. Завалишин, который во время учебы в этом учебном заведении прошел те же испытания, что и В.И. Даль, но был после окончания оставлен при нем для преподавания астрономии, высшей математики, теории морской науки и других предметов. Критикуя воспоминания Е.В. Даль в части, касающейся жизни ее отца в корпусе, он показал, что эта жизнь имела много светлых сторон, а главное, что кадеты получали в нем основательное и разностороннее образование [258]. Это же подтверждается и в большой статье Д.И. Завалишина, посвященной Морскому кадетскому корпусу [257]. Он приводит факты, несколько неожиданные для тех, кто знает о Дале только по его автобиографиям. В частности, объясняя быстрое продвижение Даля по службе прекрасной учебой и примерным поведением, Завалишин так писал о его производстве в гардемарины: "Этот чин считался в то время офицерским, так как в случае перехода в армию гардемарины переводился уже офицерским званием" [255]. Производство же из гардемаринов в унтер-офицеры, по

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66